

ЗАРЯ СВОБОДЫ

Заметки о романе С. Залыгина «Комиссия»

Терялись в догадках лебяжницы: почему беда началась с Николая Устинова? Был он человеком разумным, добрым, спокойным. Грамотей, отменный пахарь, умелец, каких мало. Обид от него никто в селе не терпел, счесть сводить — казалось бы, не за что. И вот нашли его в сугробах на краю деревни — на пробитой голове мешок, руки связаны...

Дочитав роман Сергея Залыгина «Комиссия» (журнал «Наш современник», №9—11 за 1975 год) до конца, мы так и не узнаем, кто совершил это зверское убийство. Останется нераскрытой и тайна поджога заимки-крепости Гришки Сухих, самого богатого в сибирской деревушке Лебяжке хозяина. Тут — простор читательским предположениям. Сюжетные ходы и подробности детективного свойства не прельщают автора. Интерес его в другом: в воссоздании и анализе тех конкретных исторических обстоятельств, той социально-психологической атмосферы, при которых происходит размежевание и прямое столкновение классовых сил в Лебяжке, хранившей до поры видимость социального мира.

Убийство Устинова — столь неожиданное и трудно объяснимое для его односельчан — обретает в контексте романа особый смысл и значение. Люди такой высокой нравственной пробы, как Устинов, уже самим фактом своего существования бросают вызов силам зла, укрепляют в окружающих веру в торжество светлых начал жизни. За гибелью этого человека — трагизм, жестокая логика гражданской войны, докатившейся в конце концов до Лебяжки. Не сбылись чаяния иных ее жителей остаться в стороне от этой напасти. Устинов — ее первая, но не последняя жертва. В день его похорон должны погибнуть под ударами шомполов колчаковцев и другие члены Лесной комиссии, а заодно и их добровольные помощники — цвет лебяжинского общества. Подручные «Верховного правителя» решили преподать строптивым сибирским мужикам очередной урок «демократии»...

Впервые мы попадаем в Лебяжку осенью восемнадцатого года, когда Советы здесь уже свергнуты сибирскими «временщиками», но, кажется, сам воздух вокруг еще насыщен отзвуками тех незабываемых дней, начало которым положил Октябрь. Дней, которые пробудили в простом труженике, вчерашнем солдате-окопнике, чувство человеческого достоинства, дух гражданственности, вкус к гласности деревенской жизни, дали простор работе его мысли. Это новое в самоощущении крестьянина впечатляюще передано в романе.

Рассказывая о событиях в Лебяжке, автор не дает нам забыть, что многое здесь было на osobинку, не как в иных окрестных селах. Природа оказалась на редкость благосклонной к здешнему земледельцу, припаса, казалось, все — и щедрость соснового бора, и раздолье плодородной пивы, и чистые воды близкой реки — для удовлетворения извечных нужд крестьян-

янского двора. Живя в удалении от административных центров, лебяжницы сохраняли элементы некоей самостийности, демонстрировали сплоченность перед лицом всего остального мира. И не случайно именно местный сход постановил учредить свою Лебяжинскую лесную комиссию. Требовалось навести разумный порядок в бывших царских лесных владениях, взять под общественную охрану чудесный Белый бор, пока, пользуясь безвластием, жители окрестных сел не вырубали его до основания. Комиссия, как об этом заявил ее председатель Петр Калашников, призвана была «лишить каждого гражданина свободы воровства и нарушения общественных правил жизни, а вместо того внушить ему высокую сознательность и общественную совесть». Плод народной инициативы, Комиссия чуть ли не с первых своих шагов была поставлена перед необходимостью решать наряду с «лесными» многие другие — большие и малые — вопросы жизни села, став органом общественного самоуправления, единственной по существу реальной властью в Лебяжке.

В делах и заботах членов Комиссии, в их бескорыстном рвении о сбережении лесных богатств — мудрый загляд в будущее, высокая народная дума о благе грядущих поколений. И она, эта дума, без сомнения, родственно отзвучивает в сердце нашего современника, для которого подлинно хозяйское, разумное отношение к живой природе земли стало делом высочайшей социальной значимости, важным элементом общественной нравственности.

Не повседневное течение деревенского быта со всеми его подробностями, а процесс приобщения сельского жителя к началу исторического, государственного творчества, философия бытия — вот главное в «Комиссии», время действия которой как бы предвзвешивает события другого романа того же автора — «Соленой Пади». Залыгинский крестьянин принудительной силой обстоятельств вырван из обыденности, из круга привычных забот о хлебе насущном. Он «заболел» общими вопросами. Он вглядывается в далекую и близкую историю, чтобы уловить связь времен, постигнуть, куда нынче все идет, понять, наконец, самого себя, свое место в этом развороченном мире. И, кажется, нет такой стороны общественной и человеческой жизни, в которой бы он не открывал кричащих противоречий, пугающих несоответствий. А ему, вечному труженику, хочется ясности, хочется добраться до «главнейшей простоты», найти в самом себе или в примере чужой жизни духовную опору.

И вот люди много и трудно размышляющие, готовы спорить до бесконечности: о происхождении и законах мироздания, о взаимоотношениях человека и природы, роли войн и революций, о характере и назначении власти, о чести и граждан-

ском долге, об истоках добра и зла, о нравственных ценностях дружбы и людского братства...

Что-то не припоминается другое произведение последнего, да и более раннего времени, где бы мысль деревенского человека столь напряженно билась над «вечными» вопросами, где бы столь широк был спектр обсуждаемых мировоззренческо-философских проблем. «Комиссия», с ее несколько гипертрофированной «разговорностью», теснящей начало событийное, повествовательное. без большой натыжки можно было бы назвать романом-дискуссионным. (Случается, — можно вспомнить, к примеру, главу «Круглешки и палочки», — что герои этого глупоко современного по духу произведения начинают с жаром говорить и о вещах, вряд ли способных вызвать интерес у читателя).

Заметное место занимают в романе притчи, сказания и легенды о прошлом Лебяжки, ее основателях. Они — фольклорный орнамент, а существенный элемент поэтики, композиционного строя произведения, его многогранной художественной мысли. Повествование обретает черты эпического сказа о народном пути к свободе, к осознанию своих духовных потенций, к утверждению права человека-труженика быта хозяином своей судьбы.

Если восполноваться языком кинематографа, то можно сказать, что роман разворачивается как чередование, взаимопереход крупных и общих планов. Эпизоды работы Лесной Комиссии перемежаются страницами, на которых писатель обстоятельно знакомит нас с очерченным лебяжинским жителем, играющим определенную роль в ходе событий. И только один герой остается в поле читательского зрения на протяжении всего романа. Это Николай Устинов, в котором люди привыкли видеть олицетворение живой совести села.

Дав в «Комиссии» целую галерею ярко и интересно выплывших характеров, автор, к сожалению, именно в обрисовке этой ключевой фигуры не сумел, на мой взгляд, добиться должного успеха. Ведь вот, кажется, много, очень много всего известно нам о Николае — показан он и в крестьянском труде, в делах общественных и семейных, во взаимоотношениях с людьми и природой. И все же что-то мешает схватить живое единство его личности, почувствовать ее истинный масштаб. Недостает в Устинове каких-то реальных поступков, проявлений воли, открытий ума, которые бы поднимали этого героя на уровень тех аттестаций (как правило, восторженных), что в избытке даются ему в романе — и автором, и большинством других персонажей. Тут Устинов явно проигрывает, например, рядом с мудро-лукавым старцем, «лучшим человеком» Лебяжки Иваном Ивановичем Саморуковым, который воспринимается и впрямь

равновеликим тому, что о нем говорят люди и что хотел бы внушить о его уме и характере автор. Не прибавляет обаяния нашему герою и вся линия его взаимоотношений с Зинаидой Панкратовой. Безоглядная, провидческая зрячая любовь этой незаурядной женщины оказывается как бы и не по росту Устинову, человеку во многих других отношениях примечательному, тонкому, но очень уж анемичному, бесцветному в сфере сокровенных движений сердца.

Существенный аспект проблематики романа — то духовное смирение, которое испытывают Устинов, Смирновский (этот характер — одна из больших удач автора), взвешивая все «за» и «против» решающего шага к роковой черте, за которой не только открытое столкновение с колчаковскими карателями, но и — что самое страшное для деревенских активистов и правдолюбцев — начало вооруженной схватки людей, еще вчера мерзших в одном окопе, пахавших землю по соседству, стоявших рядом на сельском сходе... Драматизм реальной социально-политической ситуации и сложность нравственного выбора людей, не прошедших школы классовой борьбы, еще не отрешившихся от свойственных крестьянству иллюзий, сливаются тут воедино, образуя психологический нерв повествования.

Воспроизведя всего лишь частный эпизод гражданской войны в Сибири, писатель заставляет нас размышлять о ее сущности, многообразных последствиях. В ее жестоких и кровавых буднях не только выявляются и закаляются бойцовские качества, организаторский талант таких сельских вожаков, как Вениамин Панкратов или Василий Дерябин (жаль, что образ этот, в котором есть черты некоторого сходства с залыгинским же Брусенковым, лишен психологической объемности), но и находит выход осознанная классовая ненависть кулака Гришки Сухих, мстительная злопамятность молодого парня Матвейки Куприянова, глумливая демагогия, слепая злоба на всех и вся пьянчуги сапожника Мишки Горячкина... Недаром кооператор Петр Калашников, мечтающий о всеобщем благе, говорит: «Трудное это слишком для многих занятие — быть человеком».

К героям своим, никак не укладывающимся в плоские социологические схемы, к живописанию их дел и поступков автор романа умеет подойти с той мерой художественной объективности, которая лежит в русле лучших реалистических традиций отечественной литературы.

В «Комиссии», как и в «Соленой Пади», Сергей Залыгин явил себя тем призванным мастером русской прозы, которому ведомы не только глубины человеческой души, но и тайны подлозвучной народной речи, обретающей под его пером неповторимый, особый «залыгинский» тембр. Отсюда и тот неубывающий интерес, который проявляет к творчеству самобытного художника многомиллионный читатель.

Н. ПОТАПОВ.